

Л.Н. ГУМИЛЕВ, К.П. ИВАНОВ

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ДВА ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ*

ГУМИЛЕВ Лев Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НИИ географии Государственного Санкт-Петербургского университета. ИВАНОВ Константин Павлович — заведующий лабораторией этногеографии НИИ географии. В нашем журнале публикуются впервые.

Нет необходимости подчеркивать актуальность понимания происходящих у нас в стране этнических процессов. Казахстан, Армения, Азербайджан, Эстония... События в этих регионах заставили всех вновь задуматься над национальным вопросом, который, казалось, был «решен полностью».

Сейчас стало очевидным, что теория национальных отношений была в минувшие годы весьма далекой от действительности. Именно в этой области «особенно негативно сказался застой», отмечает в одной из своих последних книг глава советской этнографической науки академик Ю.В. Бромлей и далее совершенно справедливо добавляет: «новые подходы к ней поэтому настоятельно требуют извлечения от талмудизма и начетничества, заздравных формул» [1, с. 178—179].

Нетрудно, однако, убедиться, что застою этнографическая мысль обязана во многом самому академику. Сейчас не время выяснять отношения. Будем говорить предметно.

Любая теория или концепция держится на предпосылках, справедливость которых не вызывает возражений у научного сообщества. Есть такие предположения и в теоретических построениях, разделявшихся еще недавно большинством советских этнографов. Их, строго говоря, два. Первое состоит в том, что этнос — явление социальное, следовательно, подчиненное законам развития общества и поэтому не имеющее собственных закономерностей. Второе заключается в том, что этнос — «система». Под системностью подразумевается некая однородность, идентичность всех элементов этноса, которая может быть обнаружена реально только в самосознании, этом «неотъемлемом», по Бромлею, признаке этноса.

* Статья написана в марте 1989 г.

Нетрудно показать, что обе предпосылки глубоко ошибочны. Действительно, социальность этноса исследователями не доказывалась, а просто постулировалась: «социальное в широком значении этого слова включает в себя и этническое, следовательно, этники сами представляют собой социальные институты» [2, с. 31]. Единственным аргументом для этого автора, видимо, достаточным служит убеждение в том, что этнос «не существует вне собственных социальных институтов различных уровней от семьи до государства» [Там же]. Согласиться с такими доводами, конечно, невозможно. Получается, что природа этноса (этника) зависит не от того, чем он является сам по себе, а от широты понимания термина «социальное». Однако «человеческое» вовсе не тождественно «социальному». Этнос не существует не только вне социальных институтов, но и вне атмосферы, гидросферы (вода пронизывает все организмы) и биосферы. Более того, как научная категория «социальное» не включает в себя «коллективное». Коллективы существуют и в мире животных: стаи, колонии, стада, косяки и др. сообщества. Поэтому коллективность — более общее свойство жизни, нежели социальность. Обязательными признаками последней являются, как известно, сознательные отношения между участниками и их способность к труду.

Еще П.А. Кропоткин [3] заметил, что в природе, независимо от положения на эволюционном древе, доминируют колониальные, коллективные виды животных, у которых развит инстинкт взаимопомощи. К таким коллективным видам относится и человек. Таким же коллективным видом были и его далекие предки, например, *Homo erectus* хорошо распространившийся на Земле более 400 тыс. лет назад. При этом различия между коллективами одного вида вызваны прежде всего различными формами адаптации к тем или иным участкам биосферы, т.е. к ландшафтам. Это позволило одному из нас определить в свое время этнос как форму адаптации вида *Homo Sapiens* в биоценозе своего ландшафта, причем не столько в структуре, сколько в поведении [4]. Понятно, что с точки зрения эволюции вида как целого этносы были всегда. Вне коллектива человек не мог существовать, как не существовали без коллективов и его далекие предки.

Следуя же господствовавшей у нас обществоведческой традиции, приходится признать, что «возникновение этнических общностей относится лишь к периоду развитого первобытного (безклассового) общества» [5]. Разумеется, никаких исторических (археологических) подтверждений этому нигде не давалось и в принципе их неоткуда было взять. Трудно было допустить и обратное, что коллективность — неотъемлемое свойство человека как биологического вида. Ведь тогда пришлось бы признать, что этнос — не следствие, а предпосылка социальной эволюции человечества. Тем не менее, еще у Маркса встречаем, что «одним из природных условий производства для живого индивида является его принадлежность к какому-либо естественно сложившемуся коллективу: племени и т.п.» [6]. При этом «общность по племени, природная общность выступает не как результат, а как предпосылка» [Там же]. Нужно заметить, что философы обратили внимание на эти положения еще в 1981 г. [7].

Еще значительнее удаляются от понимания природы этноса те этнографы, которые вслед за Ю.В. Бромлеем, называя этнос системой, системной целостностью, подразумевают под этим «совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными чертами и особенностями культуры и психики» [5, с. 58]. В поисках таких черт неизбежно приходится останавливаться на «представлении об определенной идентичности», «однородности психики членов этноса» [Там же, с. 176], т.е. констатировать определенное подобие, тождество. Однако такое понимание системности, отмечал Л.Н. Гумилев, подменено в этом случае «принципом сходства и похожести, по необходимости внешней, поскольку внутренние связи при этом подходе уловить невозможно» [8].

Основное при таком предметном взгляде на систему — обнаружение одинаковости людей, в то время как главным должно быть «установление динамических связей между различными людьми. Простейшая система — семья состоит из

мужчины и женщины и держится на их несходстве. Усложненная система этнос или суперэтнос также держится не на сходстве входящих в него людей, но на устойчивости характера и направления... связей» [Там же]. Одним словом, основной единицей отсчета при системном подходе к этносу служит не человек, а «характеристика связи». Поэтому у системы нет и не может быть «системообразующего элемента», а есть системообразующие связи определенного типа. Этих связей никогда не заметить в этносе, если пытаться найти какие-то общие черты у его членов.

Уже более 20 лет назад было показано, что универсального внешнего отличительного признака у этноса нет. «Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда — нет. Вынести за скобку мы можем только одно — признание каждой особью „мы такие-то, а все прочие другие“» [4, с. 5]. Противопоставление «своих» и «чужих» («мы» — «они»), данное членам этноса в рефлексии, служит «индикатором для определения этнической принадлежности» [9, с. 194], а тем самым и особым типом системообразующей связи в этносе. Этнос возникает как целостность, противопоставляющая себя всем остальным целостностям того же типа и исчезает как система с потерей ощущения «своих» и «чужих». При этом, хотя этническая принадлежность и обнаруживается в сознании людей, она «не есть продукт самого сознания. Очевидно она отражает какую-то сторону природы человека, гораздо более глубокую» [4, с. 4]. Таким образом, «Самосознание только опознавательный знак, а не сущность предмета» [9, с. 195].

Однако поиск подобия членов этноса между собой, вызванный банальным натуралистическим восприятием понятия «система», а также убежденность в социальности этноса вынуждают рассматривать именно самосознание в качестве «непрерывного компонента», «отличительной черты этнической общности» [5, с. 176]. Но если этнос существует как объективная реальность, а не является спекулятивной категорией (а это не вызывает сомнений), то он прежде всего должен быть нам «дан в ощущении», на основе которого уже только может возникнуть этническое самосознание, причем необязательно адекватное. В противном случае этническое сознание (самосознание) определяло бы этническое бытие (принадлежность), что сомнительно. Ведь тогда получалось бы, что можно образовать этнос по договору или добровольно сменить этническую принадлежность, а это противоречит всем известным фактам этнической истории.

Но Ю.В. Бромлей принципиально отказывается от эмпирического обобщения наблюдаемых фактов, предпочитая «путь восхождения от абстрактного к конкретному» [Там же, с. 22]. Изучению исторической эпохи он уделяет в основной своей монографии всего 20 страниц [Там же, с. 274—294], предпочитая теоретизировать о весьма гипотетической первобытности и малодостоверной, паллиативной современности. Неудивительно, что на такой зыбкой почве построить научную концепцию невозможно. Еще хуже другое: те немногие недвусмысленные выводы, на которые решалась официальная советская этнография, оказывались не только неверными, но и чреватými самыми непредсказуемыми и опасными последствиями для народов нашей страны.

Один из таких выводов состоит в том, что политическое объединение народов СССР, представляет собой еще и целостность в этническом аспекте — советский народ,— которая обладает «не только единой территорией и экономической, но также общей культурой и общим самосознанием» [Там же, с. 373]. Эту целостность, однако, согласно представлениям цитируемого автора еще преждевременно считать единым этносом или нацией, а следует отнести к так называемым метаэтническим общностям [Там же, с. 375, с. 391]. Метаэтнос — термин С.И. Брука и Н.И. Чебоксарова [10] — это высший уровень этнической иерархии, который представляет собой совокупность этносов и имеет «общие черты культуры и единое самосознание». Префикс мета-, означающий «потусторон-

ность», подчеркивает, по мнению этнографов, немаловажное обстоятельство: метаэтносы нестабильны, т.е. «находятся в состоянии перехода, изменения состояния» [5, с. 82]. Из определения, правда, не совсем ясно, во что они превращаются, но пример советского народа позволяет думать — в «этнические подразделения основного уровня» [Там же, с. 391], т.е. в обычные этносы, народы.

В качестве основного признака метаэтносов опять же рассматривается самосознание [Там же, с. 82, 86], а «системообразующим фактором, основным объективным критерием» для их выделения называются «те или иные компоненты культуры»: язык, религия, тип хозяйства [Там же, с. 82—83]. Так на свет появляются метаэтнолингвистические и метаэтнохозяйственные общности.

Нетрудно уеодиться, что как и в случае определения этноса, указанные признаки являются случайными и для выделения этнических целостностей высшего ранга. Перед нами еще одна неудавшаяся классификация. В самом деле, согласно этой типологии, метаэтносом считаются, например, славяне [Там же, с. 84]. Однако в этом случае карелы или вепсы, хотя и входят в этнос русских как его субэтносы, к славянам уже, естественно, отнесены быть не могут. Лингвистический принцип оказывается поверхностным, не отражающим сути явления.

Легко поверить, что и другие компоненты культуры — религия, хозяйство, единая государственность — не способны определить однозначно макроразнообразие образования, реальность существования которых не подлежит сомнению: Римский мир (Рах Romana), Левант, Византия, Западная (романо-германская) Европа или Христианский мир, Россия, Великая степь, Китай и т.п. Более того, они давно описаны и названы в литературе вопроса. «Почти все известные нам этносы сгруппированы в своеобразные конструкции — „культуры" или „суперэтнические целостности" [11]. «Названия „культур" условны: романо-германская, мусульманская, византийская, средневековая и т.п., но каждая из них является своеобразной целостностью исторического бытия, а не случайным обобщением, принимаемым для удобства классификации. Смена культур означает смену участвующих в их образовании этносов» [9, с. 195].

Единственным надежным критерием для отличия суперэтносов так же как и этносов, служит не язык, не религия, а стереотип поведения. «В единой системе этносов, например, в романо-германской Европе, называвшейся в XIV в. „Христианским миром" (хотя в него и не включались православные народы), стереотип поведения разнился мало и этой величиной можно было пренебречь. Но в системе, условно именовавшейся „мусульманскими народами", он был настолько иным, что переход отмечался специально» [4, с. 92—93].

Коренным отличием реально существующих суперэтносов от выдуманных упомянутыми этнографами метаэтносов является то, что первые возникали всегда, а не только при зрелом капитализме [2, с. 68] и вовсе не представляют собой «перехода» или слияния нескольких формаций и более устойчивы, нежели этносы. Продолжительность существования даже давала повод современникам рассматривать их как «состояние», но на самом деле это были медленно текущие процессы, причем, не межэтнической интеграции, а постепенного упрощения этнических систем всех уровней. Упрощения как серии необратимых потерь и утрат, включая исчезновение отдельных этносов и субэтносов, а в итоге и всей «культуры» в целом.

Согласно современной теории этногенеза [12, 13], можно определить суперэтнос как группу этносов, возникшую в результате пассионарного толчка в одном регионе и связанную общностью исторической судьбы. Учитывая, что каждый этнос представляет собой оригинальную форму адаптации человека в биоценозе ландшафта, можно заметить, что суперэтносы обычно существуют в границах определенных этноландшафтных зон.

Так северная граница Римского мира не пересекала зоны распространения виноградной лозы, а с юга была ограничена степными и полупустынными ландшафтами Аравии и Африки. Мусульманский Восток, или Левант, как суперэтнос

не расширился далеко за границы адаптации финиковой пальмы, возделываемой в оазисах и почти совпадал с зоной полупустынь, где сложился замечательный симбиоз человека и верблюда. Сухие степи Евразии, раскинувшиеся от Венгерской пушты на западе до склонов Хингана на востоке, представляют собой экологическую нишу Степного суперэтноса, которую в наше время заполняют потомки тюрков и монголов — умелых пастухов и всадников. Великая Китайская стена отделяет степные ландшафты от субтропического Китая — Поднебесной — где в бассейне меандрирующих Хуанхэ и Янцзы живут народы Китая, кропотливо выращивая рис.

Здесь речь идет именно об этноландшафтных зонах, т.к. они образуются в результате взаимодействия, симбиоза человека и ландшафта, когда они начинают дополнять друг друга. Не только туареги Сахары не могут обойтись без своих верблюдов, но и верблюды не могут пересекать пустыню без хозяев, достающих им воду из глубоких колодцев. Конечно, некоторые находят пропитание и за пределами кормящего этноса ландшафта, как делали это, например, англичане в Индии или как поступают жители современных мегаполисов и урбанистических конгломераций. Но с точки зрения истории этносыферы, это кратковременные флуктуации. Исключение, а не правило. На популяционном уровне, т.е. на уровне этноса в целом, существование вне этноса немыслимо. И поэтому современная промышленная цивилизация обречена. Она не исчезает лишь благодаря беспрецедентным темпам ограбления накопленных биосферой миллиардами лет природных ресурсов и осквернения неповторимых ландшафтов. Ее ждет судьба Мохедждаро и Вавилона. Только экологическая катастрофа произойдет в более крупных масштабах.

Ландшафт действует на этнос принудительно и потому при его смене этнос вынужден либо исчезнуть, либо выработать новые формы адаптации, что означает смену стереотипа поведения. А это уже свидетельствует о появлении нового субэтноса или даже нового этноса, если популяция мигрирует за пределы этноландшафтной зоны. Так, русские крестьяне и казаки, переселяясь в Сибирь, создали ряд оригинальных вариантов русской культурной традиции, не покидая при этом привычного пойменно-лугового ландшафта таежной зоны. И потому в Сибири сложилось несколько субэтносов великороссов: чалдоны, индигирцы (русскокустыинцы), марковцы, якутяне, карымы и др. В том же случае, когда крестьяне селились за рубежом привычного ландшафта, популяция преобразалась до неузнаваемости и происходила этническая дивергенция. Например, в лесотундре Таймыра на базе смешения северных якутов, «объякученных» тунгусов (эвенков) и старожильского русского населения — затундренных крестьян — появился своеобразный новый этнос — долгане.

Утверждать, что на территории нашей страны складывается или уже сложился один суперэтнос (а тем более метаэтнос), значит вводить в заблуждение и научное сообщество, и тех ответственных лиц, от которых зависит принятие решений в национальной политике. Существующие государственные границы СССР захватывают как минимум семь различных суперэтносов, каждый из которых занимает преимущественно свою особую экологическую нишу или этноландшафтную зону и имеет свою неповторимую историческую судьбу, т.е. оригинальный стереотип поведения и определенную традицию взаимоотношений с соседними суперэтносами. Их слияние было бы возможно лишь при полной нивелировке разнообразных ландшафтов страны, что следует признать принципиально неосуществимым даже в далекой перспективе. Невозможность слияния вовсе не означает неспособность к добрососедству и искренней дружбе. Наоборот, единственно верный девиз устойчивого сосуществования народов в полиэтничном государстве — «В мире, но порознь». Вражда и кровопролитие начинаются как раз тогда, когда людям внушают, что они одинаковы. Грозным предупреждением от соблазна «слияния» для всех этнополитиков должен послужить пример Кампучии, где тотальному геноциду предшествовала кампания создания единой кхмерской нации [14].

Выделяя такие метаэтноты средневековья, как Православная Русь, Католическая Западная Европа, Византия [5, с. 291—292], Ю.В. Бромлей, связанный собственным принципом классификации по внешним признакам, естественно, не замечает, что они существуют как явления этносферы и в настоящее время, хотя и под другими именами. Более того, они полностью или частично располагаются на территории СССР. Католическая Западная Европа после Реформации стала называться Цивилизованным миром, который включает сегодня не только народы Западной Европы, но и потомков европейских колонистов и эмигрантов в США, Канаде, Австралии и Южной Африке. В эту суперэтническую целостность входят народы бывшей Австро-Венгрии (чехи и венгры), к ней же примыкают поляки и этносы Прибалтики, в том числе эстонцы, латыши и литовцы.

Суперэтнос не есть общность духовная или политическая, это — явление географическое. Западную Европу от России, Российского суперэтноса, являющегося генетическим продолжением Православной Руси, отделяет сейчас, как и в Средневековье, невидимая ландшафтная граница — нулевая изотерма января. Качественный скачок в климатических условиях детерминировал на востоке иные формы адаптации. Русские как этнос связаны с азональным пойменно-луговым ландшафтом рек таежной зоны, где образовали уникальный симбиоз с коровой, используемой прежде всего как источник органического удобрения, совершенно необходимый для малоплодородных подзолистых лесных почв [15, 16]. Русские дали название и всему суперэтносу, в который помимо них вошли, начиная с XIII в., финско-угорские народы Восточной Европы: карелы, вепсы, зыряне (коми), мордва, удмурты, а также православные украинцы, чуваша и множество сибирских народов, включая алеутов. Строго говоря, сибирские охотники и оленеводы — самоеды (ненцы), ханты, манси, нганасаны, селькупы, тунгусы (эвенки и эвены), юкагиры, коряки, чукчи — представляли собой еще недавно самостоятельный Циркумполярный суперэтнос. Его отделяла от «России» опять-таки невидимая граница распространения вечной мерзлоты. К северу от нее в зональные ландшафты тайги и тундры русская земледельческая культура не проникала. Зато на смену травяному покрову здесь приходят ягельники — экологическая ниша северного оленя, домашнего и дикого, с которым неразрывно связано самое существование перечисленных народов. В настоящее время Циркумполярный суперэтнос практически полностью вошел в Российский, однако это вызвано искусственной кампанией перевода кочевников на оседлость, которая грозит прекратить совсем их самобытное традиционное хозяйство, а с ним суперэтническое своеобразие, и как следствие — само человеческое существование.

Суперэтноты — долго, но не вечно живущие этнические системы. Их границы подвижны не только в пространстве, что связано с крупными вековыми вариациями климата, но и во времени. Причиной тому служат как внутренние закономерности этногенеза, так и воздействие соседей. Принципиальное значение для контакта имеет знак комплиментарности взаимодействующих суперэтносов [12].

Положительная комплиментарность двух основных суперэтносов нашей страны — Российского и Степного — явилась залогом как создания Московского государства, а вслед за ним и территориального расширения Российской империи, так и нерушимости СССР в годы второй мировой войны. Комплиментарность есть неосознанная и неопределенная какими-либо видимыми причинами взаимная симпатия различных суперэтносов и даже отдельных персон.

Именно комплиментарность послужила поводом для дружбы Александра Невского и сына Батые Сартака. Но, видимо, она же имела место и на уровне этносов: русских и татар, т.к. политическая зависимость Руси от Сарая не помешала открыть в столице Золотой Орды еще в 1260 г. епископскую кафедру с русским епископом, а затем после «великой замятни» принять на Русь бежавших от погрома чингисидов и рядовых монголов, которые, крестившись, пополняли московское войско; их фамилиями наполнена Бархатная книга. Иван IV положил конец политической самостоятельности Орды, но это не помешало говорить в

Кремле по-татарски и даже посадить на престол касимовского хана. После штурма Казани геноцида не было, как не было его и после похода Батыея. Наоборот, степняки стали добровольно входить под власть Белого царя — сначала калмыки и буряты, затем казахи и киргизы.

Каждому, кто хоть сколько-нибудь не поверхностно знаком с историей России, ясно, что присоединение Сибири было бы невысказанным без добровольного согласия и взаимного доверия. Подвергать сомнению этот факт — значит подтачивать основную этническую ось российской государственности.

Завоевывать пришлось Кавказ и Среднюю Азию. Но Грузия добровольно вошла в состав России, присоединение Армении было по существу освобождением единоверцев, а завоевание Азербайджана — установлением удобной для России границы с Ираном. Теми же политическими, пограничными соображениями были вызваны походы Черняева и Скобелева. Да, военные действия на Кавказе и в Средней Азии были, но здесь, как и в Прибалтике, русские столкнулись с иным суперэтносом, даже с двумя. Грузины и армяне представляли собой осколки Византии; туркмены, узбеки, таджики, турки вместе с крымскими татарами входили в Мусульманский суперэтнос. Византия была исторически дружественна Руси, и комплиментарность христиан Кавказа с россиянами предопределила их присоединение к России.

Мусульманский мир со времен Мамаев был принципиальным противником Москвы, и это породило детерминированную цепь событий, закончившуюся крушением православной империи, хотя исход войн с Крымом, а затем Турцией и Ираном не был предопределен и мог быть совершенно иным.

Отдельный суперэтнос представляют собой евреи — обитатели антропогенного городского ландшафта. То, что евреи — не этнос, а именно суперэтнос, т.е. совокупность различных этносов, различающихся между собой как французы, испанцы, итальянцы и ирландцы в Западной Европе, продемонстрировало создание государства Израиль. Здесь положение европейских евреев (ашкенази) и афроазиатских евреев (сефарды), не говоря уже о фалашах, значительно отличается. Весьма непохожи друг на друга и сами сефарды (как и ашкенази): беннизраэль Индии, джайды Ирана, крымчаки, йеменские евреи и др.

Реальность различия суперэтносов СССР подтверждается существенными отличиями в их демографической эволюции [16], а также результатами смешанных браков, о которых пишут и этнографы. Но, не владея методом суперэтнической диагностики, их трудно осмыслить. Так, в Прибалтике в смешанных семьях эстонцев, латышей и литовцев с русскими лишь от одной трети до половины подростков определяют себя русскими. В Средней Азии и на Кавказе почти все дети не считают себя русскими (русская здесь, как правило, мать ребенка); зато в Чувашии почти 98% подростков из чувашско-русских семей именуют себя русскими [1, с. 154]. Никакого объяснения такому расхождению результатов метисации, как нетрудно убедиться, академик не дает. Однако учитывая реальность существования западноевропейского, мусульманского и русского суперэтносов, реакция прибалтийских и среднеазиатских подростков понятна. Что же касается чувашей, то они входят в российский суперэтнос и потому выбирают в качестве этнической суперэтническую принадлежность. Выбор подростков во всех трех случаях не может считаться случайным или субъективным, поскольку речь идет о достаточно больших выборках. Тем самым реальность существования суперэтносов подтверждается еще и статистически.

Отрицать объективные законы этногенеза, независимые от законов общественного развития и пожеланий отдельных чиновников, значит заведомо исключать возможность постичь реальные причины и механизмы этнических конфликтов. Осудить за здравный подход к этническим проблемам еще недостаточно, ведь при этом можно впасть в еще более тяжелый для ученого грех — этнографическое ханжество, которое стыдливо умалчивает о принципиальной некомплементарности отдельных суперэтносов между собой или, напротив, бросает тень на много-

вековые дружественные связи действительно комплиментарных суперэтносов, скажем, российского и степного.

В настоящей работе раскрыта только малая часть арсенала концепции, названной нами пассионарной теорией этногенеза. Более широкое применение ее потребовало бы нескольких монографий (см. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990). Мы хотели обратить внимание на то, что без широкого изучения всемирной этнической истории, знакомства со всей имеющейся литературой вопроса, без достоверной статистической информации и открытого обсуждения конкурирующих исследовательских программ, этнография никогда не превратится в этнологию, которая может не только правильно описывать феномен этноса, но и постигать законы его изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., 1988.
2. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
3. Кротошкин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб, 1907.
4. Гумилев Л.Н. О термине «этнос» // Доклады географического общества СССР. Л., 1967. Вып. 3. С. 3—17.
5. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 462—463.
7. Бородой Ю.М. В поисках этногенного фактора // Природа. 1981. N 4. С. 124—126.
8. Гумилев Л.Н. Сущность этнической целостности (Ландшафт и этнос. XII) < Вестн. ЛГУ. 1971. N 24. С. 97—106.
9. Гумилев Л.Н. Этнос и ландшафт // Изв. Всесоюзного Географического общества СССР. 1968. N 3. С. 193—202.
10. Брук С.И., Чебксаров НИ. Метаэтнические общности // Расы и народы. 1976. Вып. 6.
11. Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. N 1. С. 46—55.
12. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. ВИНТИ. Вып. 1 (N 1001). Вып. 2 (N 3734). Вып. 3 (N 3735). М.-Л., 1979.
13. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. 4 (Тысячелетие вокруг Каспия). ВИНТИ. Деп. (N 7904, 7905). М.-Л., 1987.
14. Косиков И.Г. Этнические процессы в Кампучии. М., 1988.
15. Иванов К.П. Эколого-географический подход к изучению сельского населения и сельских хозяйств // Вестн. ЛГУ. 1985. N 7. С. 73—81.
16. Иванов К.П. Эколого-географическое исследование сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР // География и хозяйство. 1989. С. 79—93.